

Невежливый охранник подбежал, смотря на резиденцию князя Северо-Запада, и в его глазах промелькнула зависть.

Евнух Сюй крикнул:

— Зачем стучать! Разве ты не видишь, что князь Северо-Запада не хочет видеть императора!

Он нахмурился, глядя на резиденцию, и подумал, что если здесь потеряет голову, император вряд ли вступится за него. Жизнь слуги не стоит того, чтобы император ссорился с князем Северо-Запада.

К тому же, даже если они поссорятся, он сам не готов расстаться с мирскими благами!

Евнух Сюй чувствовал себя обиженным и, прижав пальцы, пошёл жаловаться императору.

Охранник, получив выговор, понуро последовал за ним, не произнося ни слова.

Услышав об этом, император пришёл в ярость и начал швырять вещи. Когда он чуть не разбил свою драгоценную печать, он внезапно успокоился и крикнул:

— Позовите императрицу!

В этот момент он, казалось, мог полагаться только на императрицу, словно весь Сивэй был полон зла.

Он не мог успокоиться и начал ходить кругами по Чертогу Цянькунь, словно плетя кокон, который всё плотнее обволакивал его, не позволяя вырваться.

Когда евнух Сюй прибыл в Дворец Куньнин, императрица поливала цветы. Она выглядела очень довольной, и, если не считать драгоценную наложницу Фу, стоявшую на коленях у входа, она казалась совершенно беззаботной.

Он опустил голову, решив не вмешиваться. Если наложница стоит на коленях, у императрицы на то есть свои причины, и ему не стоит говорить.

— Ваше Величество...

Он не успел произнести «император приглашает», как Цин Ся, стоящая рядом с императрицей, поднесла палец к губам и помахала рукой, чтобы он молчал.

Евнух Сюй замер, склонившись в поклоне за спиной императрицы, как будто превратился в деревянную статую. Что ещё он мог сделать? Император и императрица были не теми, кого он

мог послушаться.

Императрица поливала цветы с невероятной медлительностью, потратив около четверти часа на три растения. Евнух Сюй с беспокойством смотрел на огромную лейку в её руках, думая, сколько же воды она уже вылила.

Когда императрица, наконец, выпрямилась, евнух Сюй с облегчением вздохнул. Присмотревшись, он увидел, что это были два гибискуса и один пион. Гибискусы цвели пышно, а пион был невероятно величественным, поистине королевской красоты.

— Как тебе мои цветы? — вдруг спросила императрица.

Евнух Сюй внимательно осмотрел их и, широко улыбаясь, ответил:

— Цветы, выращенные Вашим Величеством, конечно, лучшие в Сивэе. Посмотрите на этот пион — настоящая королевская красота! А гибискусы такие нежные...

Императрица вдруг засмеялась, слегка прикрыв рот, и, бросив взгляд на евнуха Сюя, сказала:

— Ты, евнух, разбираешься в нежности...

Евнух Сюй замолчал, но его улыбка стала натянутой. Хоть он и был лишён мужской силы, никто не запрещал ему смотреть и восхищаться. Если бы перед ним стояла любая другая наложница, он бы смог ответить.

Но сейчас он мог только сдерживать гнев, ведь перед ним была императрица.

— Ваше Величество... э-э... гибискусы... — тихо напомнила Цин Ся.

Императрица посмотрела на вход и, казалось, вспомнила что-то.

— Ах да, позовите драгоценную наложницу Фу. Я так увлеклась поливом, что забыла о ней.

Женщина у входа, почти падая от усталости, с трудом поднялась и вошла в зал, чтобы поблагодарить.

Императрица с улыбкой посмотрела на неё:

— Посмотри на этих слуг, они даже не сказали мне, что ты ждёшь у входа. В такую жару ты вся вспотела.

Услышав это, Цин Ся сразу же извинилась, действуя в унисон с императрицей.

Драгоценная наложница Фу ответила:

— Ваше Величество управляет дворцом, и у вас нет такой свободной жизни, как у меня. Я понимаю это и часто советую императору проводить больше времени с вами, но он... эх!

На её лице появилось выражение самодовольства, словно она одержала победу, но она не заметила презрения в глазах Цин Ся и жалости в глазах евнуха Сюя.

— Твоя обязанность — хорошо служить императору, так что постарайся лучше. Ах да, гибискусы сегодня особенно прекрасны, я дарю их тебе. Кстати, зачем ты пришла?

Императрица быстро отделалась от наложницы Фу и обратилась к евнуху Сюю.

Евнух Сюй, наконец, смог заговорить и, вздохнув, сказал:

— Ваше Величество, император приглашает вас.

Он украдкой взглянул на наложницу Фу и увидел, как её лицо побледнело. Он почувствовал ещё больше жалости, глядя на огромные гибискусы. Едва ли она сможет унести их без помощи.

Императрица вздохнула и сказала:

— Я поняла. Возвращайся, я скоро приду.

Евнух Сюй поклонился и поспешно вышел. Несмотря на благоухание цветов в Дворце Куньнин, он чувствовал себя подавленным.

Оглянувшись, он увидел, как наложница Фу, плача, с помощью служанки пытается унести два прекрасных гибискуса. Цветы, несмотря на свою красоту, продолжали капать водой, и её жёлтое платье быстро промокло. Даже евнух Сюй почувствовал жалость.

Поэтому, когда он доложил о визите к императрице, он также упомянул о наложнице Фу.

Но император был озабочен только тем, когда придёт императрица, и лишь вскользь упомянул о наложнице Фу:

— Передай ей, чтобы она оставалась в своих покоях и не выходила без нужды, чтобы не раздражать.

Это звучало как приговор.

Евнух Сюй уже не удивлялся быстрым изменениям в настроении императора, поэтому просто

кивнул, думая, что лучше запереть её сейчас, чем позволить императрице убить её позже.

Он любил цветы, но иногда испытывал жалость к ним.

Императрица неспешно пришла, и император, называя её «Цзытун», поспешил навстречу:

— Если бы ты не пришла, я бы сам пошёл за тобой! Ты не представляешь, как осмелел этот варвар! Он осмелился ослушаться моего указа!

Он выглядел крайне встревоженным, смотрел на императрицу, как утопающий на спасательный круг.

Императрица слегка приподняла бровь и улыбнулась:

— Сейчас почти полдень. Второй сын семьи Бай — заместитель Сюань Ле, и он не позволит своим родителям погибнуть. Тогда ты сможешь использовать войска...

Полдень приближался, и у ворот Сюанью начался шум. Люди собрались, чтобы увидеть троих заключённых в грязных одеждах, стоящих на коленях на эшафоте.

Палачи с острыми мечами ждали сигнала от начальника казни, чтобы отрубить головы, невзирая на возраст или красоту...

Драгоценная наложница Ци, или, вернее, Бай Санци, плакала, её красивое лицо было залито слезами, что вызывало жалость. Она смотрела на свою мать, и слёзы снова потекли:

— Мама, мама... это я виновата...

Она думала, что Мо Жуйцин, видя её успех, решила нанести удар, и это повлияло на дом канцлера, но она ещё не знала о происшествии с её младшим братом на цветочном банкете.

Госпожа Бай открыла рот, но сначала закашлялась, и кровь брызнула на землю перед ней. Бай Санци, вспомнив допросы, заплакала ещё сильнее.

Госпожа Бай смотрела на неё, хотела вытереть слёзы своей старшей дочери, но, будучи связанной, не могла этого сделать. Она вздохнула и сказала:

— Это не твоя вина, не бери всё на себя.

Говоря это, обе не могли сдержать слёз.

Канцлер молчал, несмотря на грязную одежду, он был спокоен. Однако умереть за то, чего он не совершал, он ещё не был готов.

Он оглядел толпу, и его взгляд встретился с чьим-то. Сердце его сжалось, и он опустил глаза.

<http://bllate.org/book/15500/1374873>